УДК 811.16'373:398

DOI: 10.30624/2220-4156-2022-12-2-255-263

Венгерское заимствование татош в словацкой языковой и фольклорной традиции

В. М. Ляшук

*Университет им. Матей Бела в Банской Быстрице,
Банска Быстрица, Словакия,
viktoria.liashuk@umb.sk*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена анализу заимствованного в словацкий язык венгерского обозначения волшебного коня-помощника и его связи с шаманскими ритуалами. При этом наблюдается соотнесённость с культурой и фольклором ханты и манси.

Цель: выявить основные особенности семантики анализируемого слова в словацком и венгерском культурном контексте с учётом научной и переводческой интерпретации народных сказок в славянском пространстве и в соотношении с современным и историческим пространством хантов и манси.

Материалы исследования: сборники оригинальных словацких и венгерских сказок и их переводы (на словацкий и русский языки), сборники фольклора обских угров, а также работы по духовной культуре хантов и манси.

Результаты и научная новизна. Анализ лексикографических источников, а также словацких и венгерских оригинальных и переводных сказок с использованием материала хантыйских и мансийских сказок привёл к выявлению связи между языковой и фольклорной традицией заимствованного слова, что отразилось в его семантизации, зафиксировано в исторической лексикографии и получило текстовую поддержку с динамической частотностью, уступающей частотности слова конь и приближающейся к ней в первых публикациях словацких сказок. Сравнительный анализ соотносимых по сюжету параллельных (исходного и переводного) сказочных текстов указал мифологическую глубину семантики, относящуюся к шаманизму, и проявление этнической категории в этой лексеме (волшебный конь у словаков и волшебник у венгров). Актуализация лексемы в словацких сборниках народных сказок во время становления словацкого литературного языка определила его общеупотребительность и современную семантическую активность, включение в связь со словом конь и его синонимами, частично общими в словацком и венгерском языке (рагіра 'скакун'). Научная новизна связана с комплексным лексикографическим, лексико-семантическим и текстовым анализом, междисциплинарным подходом к языковым фактам, введению в научный оборот словацко-венгерских лексических и текстовых параллелей.

Ключевые слова: венгерская сказка, словацкая сказка, культурная и языковая семантика, перевод, сказки славян, венгров, ханты и манси.

Благодарности: автор выражает свою благодарность своим коллегам за консультацию по вопросам венгерского языка (доц. А. Гутькова, др. Г. Рожай, др. А. Генчиова).

Для цитирования: Ляшук В. М. Венгерское заимствование *tatosh* в словацкой языковой и фольклорной традиции // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 2. С. 255–263.

Hungarian borrowing *tátoš* in the Slovak linguistic and folklore tradition

V. M. Liashuk

*Matej Bel University in Banská Bystrica,
Banská Bystrica, Slovakia,
viktoria.liashuk@umb.sk*

ABSTRACT

Introduction: the paper is devoted to the analysis of the designation of the magic helper horse, borrowed into the Slovak language, and its connection with shamanic rituals, whereby the correlation with the culture and folklore of the Khanty and Mansi is observed.

Objective: to identify the main features of the semantics of the analysed word in the Slovak and Hungarian cultural context, taking into account the scholarly and translation interpretation of folk tales in the Slavic space in relation to both the modern and the historical space of the Khanty and Mansi peoples.

Research materials: collections of original Slovak and Hungarian fairy tales and their translations (into the Slovak and Russian), collections of folklore of the Ob Ugrians, as well as works on the spiritual culture of the Khanty and Mansi peoples.

Results and novelty of the research: the analysis of lexicographic sources, as well as Slovak and Hungarian original and translated fairy tales using the material of Khanty and Mansi fairy tales, led to the identification of a connection between the linguistic and folklore traditions of the borrowed word, which was reflected in its semantization, was recorded in historical lexicography and received textual support with dynamic frequency, inferior to the frequency of the word *horse* and approaching it in the first publications of Slovak fairy tales. Comparative analysis of fairy tale texts that are parallel in relation to the plot (a source text and its translation) indicated the mythological depth of semantics related to shamanism and the manifestation of the ethnic category in this lexeme (the magic horse among the Slovaks and the magician among the Hungarians). The actualization of the lexeme in Slovak collections of folk tales during the formation of the Slovak standard language determined its common use and modern semantic activity, its inclusion in connection with the word *horse* and its synonyms, partially common across Slovak and Hungarian (*paripa* 'steed'). Scientific novelty is associated with a complex lexicographic, lexical-semantic and textual analysis, an interdisciplinary approach to linguistic facts, and the introduction of Slovak-Hungarian lexical and textual parallels into academic use.

Key words: Hungarian fairy tale, Slovak fairy tale, cultural and pagan semantics, translation, fairy tales of the Slavs, Hungarians, Khanty and Mansi.

Acknowledgements: the author expresses the gratitude to her colleagues for providing advice on the Hungarian language (Assoc. Prof. A. Hut'ková, Dr. G. Rožai, A. Genčiová).

For citation: Liashuk V. Hungarian borrowing *tátoš* in the Slovak linguistic and folklore tradition // *Vestník ugrovedenia* = *Bulletin of Ugric Studies*. 2022; 12 (2): 255–263.

Введение

Народные сказки представляют собой классический прозаический жанр фольклора, который начиная с XVIII в. и особенно интенсивно – в XIX в. аксиологизируется, лексические средства вовлекаются в процесс кодификации [35]. Фольклорный текст коррелирует с общими «моделями построения высказываний о внеязыковой действительности» [7, 118], получая актуализацию с «культурно-презентативными целями в практико-этнографическом и социально-культурном планах» [8, 140].

Связь и особенности фольклорной традиции по отношению к письменной культуре и переводу, прослеженная нами в славистическом контексте [35, 54–125], стала объектом пристального внимания также в русской, словацкой и западной науке [34; 38; 42].

Современная междисциплинарная научная парадигма открывает новые перспективы для интерпретации как языковой, так и фольклорной традиции. Как явление художественного порядка, фольклор воплощает «мифологичность и культуросцентричность, т. е. соотнесённость с системой вечных общечеловеческих ценностей» [5, 42]. В народных сказках рельефно отражена «коммуникативно-культурная память» [12, 509]. Научный интерес для исследуемой нами темы представляет и категории этничности [15, 280], мифологичности [34]. Междисциплинарное сближение с археологией позволило сделать вывод: «Во многом образ чудесного коня можно считать надкультурным» [9, 91].

Словацко-венгерские связи затрагивают как языковую, так и фольклорную традиции в общем

австро-венгерском государстве и находят отражение в заимствованиях, которые рассматривал С. Цамбел [19, 122–141], Я. Доруля [22, 61–74], затем академический коллектив научного издания «Древняя словацкая лексика в межъязыковых связях» [44].

Словацко-венгерские связи в народных сказках в ракурсе фольклористики рассмотрела В. Гашпарикова, указав на сложную соотносимость словацких текстов одновременно с венгерскими и чешскими, когда «между венгерской и чешской версиями нет выразительных точек соприкосновения» [27, 627; перевод со словацкого языка наш – В. Л.]. Чешский фольклорист Я. Ех (J. Jech) утверждает, что к венгерским сказкам словацкие ближе [32, 304; перевод с чешского языка наш – В. Л.].

В венгерских народных сказках исследователи долгое время прослеживают связь с шаманскими обрядами, в частности, в мотиве дерева до небес, образующем «самый старинный слой венгерской сказки» [13, 59]. Этот мотив избран для характеристики венгерского шамана и шаманизма обских угров [14, 426–427]. О глубокой древности свидетельствует присутствие коня в мансийской Священной сказке о возникновении земли («Mā tēlum ялпың мōйт») [10, 32–61]. По наблюдениям Г. В. Ксенофонтова, шаманы из народа с оленьим хозяйством «сохранили во всей чистоте воспринятые когда-то ими формы и обряды древнего степного шаманства. Шаманы там в своей мистерии разыгрывают роль коней <...>» [4, 243].

Обозначение коня для угорских народов генетически соотносимо – при характеристике языка

мансийских сказок говорится о «наличии у манси своего слова “лув” – лошадь; общего остальным угорским языкам: хант. *lov*, венг. *ló*» [2, 24]. Культура хантов и манси связывается с развитием «традиции местных сибирских племен и пришлых с юга угров» [11, 6], хранит общность в духовно-религиозном статусе лошади как «жертвенного животного даже у тех групп хантов и манси, которые не могли содержать лошадей в силу суровых природных условий» [6, 25].

Нам представляется, что именно фольклорная традиция определяет языковую традицию и динамику словацкого слова *tátoš* (читается с ударением на первом слоге: татош) при его ситуативно текстовом соотнесении с исходным венгерским словом *táltos* (читается с ударением на первом слоге: талтош) и с другими обозначениями коня. Наша гипотеза заключается в предположении о возможности путём сравнительного анализа соотносимых и параллельных (исходного и переводного) текстов выявить специфику языковой и фольклорной традиции, проследить мифологическую глубину семантики и проявление этнической категории в этой лексеме.

Материалы и методы

Материалом исследования являлись исторические словари [18, 29, 36, 43, 44], сборники словацких, венгерских, хантыйских и мансийских сказок [3, 10, 11, 13, 17, 20, 21, 23, 24, 25, 26, 31, 40, 41], исторические и современные работы, касающиеся исследуемого слова [1, 2, 4, 14, 19, 33, 34, 39].

На разных этапах работы в рамках междисциплинарного подхода применялись методы: диахронического и синхронического анализа; сравнительно-интерпретирующий, сопоставительный, культурно-исторический и приём количественных подсчётов.

Результаты

Избранная для анализа лексема имеет глубокие мифологические корни и широкий концептуальный спектр: «КОНЬ, кобыла, лошадь – в народной традиции одно из наиболее мифологизированных животных, связан одновременно с культом плодородия, смертью и погребальным культом» [16, 590]. В этимологическом словаре венгерского языка оно представлено с ссылкой к хантыйскому и мансийскому языку: *táltos* – ‘*sámán, természetfölötti képességű ember* *a magyar ősvallásban*’; ‘*csodás képességekkel bíró*

mesebeli (ló)’. *Származéka: (meg)táltosodik*. // *A ~ tált- alapszava ősi örökség az ugor korból: vogul túlt (‘könnyűszerrel’), osztják toltен ‘varázserővel’), tolt (‘láz’)*. *A magyar szó denominális -s képzővel alakult, eredeti jelentése ‘varázserővel bíró’ lehetett* [36]. В русском переводе: [*táltos* – ‘шаман, мужчина со сверхъестественными способностями в древней венгерской религии’; ‘сказочный (конь) с магическими способностями’. Дериват: (*meg*) – превращённый. // Основа ~ *tált-* является древним наследием Угорска: мансийский язык *túlt* ‘легко’, хантыйский язык *tolten* ‘магическая сила’, *tolт* ‘горячка’. Венгерское слово было образовано с отыменным форматом -s как имя существительное, его первичное значение ‘магический’].

Языческую основу и связь анализируемого слова с ритуальным действием детально рассматривает словацкая исследовательница М. Гаекова, приводя в качестве его этимона слово *tátott* – вскрытый, открытый: «Очень правдоподобно, что священные жертвенные кони, которых жертвовали жрецы татоши (*tátoši*), вошли позже в народные сказки как реминисценция на древние языческие времена в лексическом оформлении *tátoše* и *tátošiky*, по-венгерски *tátoš ló*.» [36, 316–317].

Слово *tátoš* зафиксировано уже в первом кодификационном многоязычном переводном словаре А. Бернолака 1825 г. с тремя значениями; в значении 1. сопровождается параллелью из древнегреческой мифологии – *Pegasus (os)*, в качестве венгерских эквивалентов приводятся слова: *tátos, szárnyas ló* ‘крылатый конь’; в значении 2. слово получает венгерский эквивалент *sebes <...> ló* ‘быстрая лошадь’; в значении 3. имеет латинский эквивалент *magus* ‘маг’ и венгерский – *tátos, alakos* ‘шаман, преобразующий(ся)’ и др. [18, 3285]. Слово *tátoš* в значении ‘*rýchly, bujný kôň, paripa* [быстрый, буйный/ретивый конь, скакун]’ используется в 1785 г. в романе Й. И. Байзы «Приключения и испытания юноши Рене», а в качестве антропонима зафиксировано в словацких письменных источниках в 1554 г. [29, 27].

Слово *Tátoš* (в качестве онима) отражено в сборнике словацких народных песен Я. Коллара (1834), куда включено и несколько сказок [33, 57]. В песнях рифма объединяет имя Янош (венгерская неофициальная версия) – Татош / татош или созвучный топоним (*Rákoš*): *Rákoš, tichý Rákoš*, // *po ňom chodí Tátoš*, // *Tátoš hľadá Jánoša*, // *Jánoš hľadá Tátoša* [Ракош, тихий Ракош, // по нём ходит Татош, // Татош ищет Яноша, //

Янош ищет Татоша] [33, 57–58]. Широко используется параллельность, аналогия или сравнение анализируемого слова с общеславянским наименованием *конь*, часто в деминутивной форме *koník* ('конёк'), *koníček* ('конёчек'): *Dajú mi tam, dajú, šabličku s koníkom, // tak na ňom poletím ako s Tátošikom* [рус. Дадут мне там [в войске – В. Л.], дадут, сабельку с коньком, // так на нём полечу, как с Татошиком] [33, 59]. Интерпретация Я. Коллара включает при этом характеристические параметры коня и некоторые славянские параллели: «Татош у словаков (и венгров) – таинственный конь, чёрной масти и худощавого телосложения; ему подобны у чехов Шемик (*Šemík*), а у сербов Шарац (*Šarac*)» [33, 724]. В связи с этой информацией показателен хантыйский сказочный контекст: <...> вышел вороной жеребец, чернокрылый [11, 250].

А. Н. Афанасьев в качестве онима несколько раз упоминает анализируемое слово в работе «Поэтические воззрения славян на природу» (1865–1869): «Русской сивке-бурке соответствует волшебный конь венгерского эпоса **Татош**, известный и у словаков: это конь крылатый, прыгающий с горы на гору, грива которого сравнивается с блестящими стрелами, **конь Татош питался огнём** «*vetrem a ohnem*» [ветром и огнём – В. Л.] и превращался в орла» [1, 372; выделение автора – В. Л.].

В работе словацкого возрожденца П.-З. Гостинского «Древняя словацкая вера» (1870) татош интерпретируется в фольклорно-мифологическом ключе в динамике его прекрасного преобразования и в сравнении с мужской версией образа золушки (в словацких сказках часто именуется *Popel'val*) [30, 32].

Сравнительный характер носят и ценные наблюдения С. Цамбела 1903 г. о национальной

специфике и динамике слова – «в то время как в венгерских повестях чаще всего конь бывает волшебником (*tátosló*), в словацких повестях под татошем понимается всегда конь, слово перешло и в жизнь <...>» [19, 128].

Слово *tátoš* создатели дифференциального «Словацкого словаря из литературы и наречий» (1923) представляют уже как двузначное: 1) стройный сказочный конь, обычно, золотой или огненный и 2) безумец, непоседа, фокусник [43, 709].

Известный чешский фольклорист И. Поливка (1858–1933) отмечает переход слова в письменную традицию: «В новейших [фольклорных] записях найдем это имя в редких случаях, безусловно под влиянием уже напечатанных сказок» [39, 20]. Словацкий лингвист Я. Доруля указывает на удержание в словацком языке слова *tátoš* посредством опубликованных словацких народных сказок [22, 74].

Отмеченная тенденция, а также соотношение слова *tátoš* с другими обозначениями коня изучена нами на материале 4 сборников словацких сказок, издание которых связано с кодификаторскими программами с целью указать словацкий национальный текстовый и языковой образец.

Слово *tátoš(ík)* тяготеет к сюжету о волшебном коне и используется параллельно с общеславянским стилистически нейтральным словом *kôň*. Также используется греческое заимствование *paripa* 'красивый, статный, обычно сильный ездовой конь' [44, 192], общее для словацкого и венгерского языка и национальных народных сказок. Разной употребляемостью в анализируемом материале характеризуются общеславянские слова *žrebec* (рус. жеребец), *kobyľa*, *sivko* и некоторые другие. Количественные данные отражены в таблице:

Сборники словацких сказок	Словацкие наименования коней (количество словоупотреблений)			
	<i>tátoš(ík)</i>	<i>kôň /koník(iček)</i>	<i>paripa</i>	<i>žrebec</i>
«Словацкие повести» Янко Римавски (Францисцы) (1845; 10 текстов)	33	68	5	6
«Простонародные словацкие повести» П. Добшинский (1858 – 1860, 1880 – 1883; 153 текста)	350	411	29	4
«Сказки для маленьких деток» Ян Францисцы (1871; 8 текстов)	12	25	2	0
Словацкие народные сказки Самуэл Цамбел (1905, по изданию 1959 г.; 80 текстов)	35	210	3	0

Слово *tátoš* во всех изученных сборниках сказок по количеству использования устойчиво занимает второе место после общеславянского обозначения конь. Процентное соотношение между этими двумя словами составляет соответственно 33% и 68% в сборнике Римавского 1845 г., 46% и 54% в сборнике П. Добшинского, 39% и 61% в сборнике Римавского (Францисци) 1871 г., а в сборнике по записям С. Цамбела у слова *tátoš* употребляемость снижается до 14%, в то время как у слова *kôň* увеличивается до 86%.

Слово *tátoš*, таким образом, удерживается в фольклорной традиции, что влияет на его семантическое развитие и национальную языковую традицию. Противопоставление двух возможных состояний чудесного коня и переход из одного в другое традиционно строится на лексическом противопоставлении уменьшительно-ласкательной формы слова *kôň* – *koník*, *koníček* – и слова *tátoš(ik)*: Tu koník zastau a k Poprlvárovi prorjekou: „Počuj Popolvár, zosadni ti so mňa, trochu ma občistiš, a donesješ s koritko ovsa a s koritko ohňa, – to bude muoj obrok: – lebo som ja ňje hocakí kuoň ale som ja tvojhо otcov Tátoš <...>“ [41, 4] [рус. Послушай, Пополвар, ты слезь с меня, немного меня почистишь, принесёшь мне с корытце овса и с корытце огня, – это будет мой корм: ведь я не абы-какой конь, а твоего отца Татош]; Raz sa koníček striasol, ostal Janko medený, i koníček medený, skorej ten bol v hostinci ako jeho bratia [21, 17–18] [рус. Вдруг конёк встряхнулся, стал Янко медным и конёк медным, быстрее он был в трактире, чем его братья]; Koník šiel len z nohy na nohu; ale ako ho potľapkal, naraz bol z neho tátoš so zlatou hrivou, a leteli ako vo víchre. Keď už boli blízko krížnych ciest, premenil sa tátoš zase na chudého koníka a len pomaličky liezol [26, 38] [рус. букв. Конёк шёл, еле ноги волоча; но как только его [младший брат – В. Л.] похлопал, сразу же стал из него татош с золотой гривой, и полетели как в вихре. Когда были недалеко от перепутья, превратился татош снова в тощего коня и только потихоньку тащился] (ср. в хантыйской сказке: Пришёл [Покпокролащ – В. Л.] к берегу моря, ударил свою лошадь ногой, [превратил] в огнём сожжённый столб [17, 145]). Прослеживается и более сложное противопоставление *tátoš* – *paripa* ‘скакун’: Tátoš: // “Nebi ma, ja ti budem na dobrej pomoci! Pozri: náš pán ti budú dávať, ktorého chceš z tých paríp, čo pasieš, ale si neber, iba mňa!” Po roku došikovali

každý po koňovi, najmladší tátoša [20, 83] [рус. букв.: Татош: // “Не бей меня, буду тебе в добрую помощь! Гляди: наш пан будут тебе давать какого хочешь из тех скакунов, которых посёшь, но ты не бери, только меня”. Через год привели каждый [брат – В. Л.] по коню, самый младший – татоша].

Венгерское слово *táltos* (субстантив) некоторые фольклорные тексты актуализируют со значением ‘чудесный, волшебный, магический’. Такая особенность отражена уже в названии «*Táltos ökög*» [31, 103] (букв: волшебник вол), в слв. переводе «*Čarodejný vól*» [40, 95], в рус. переводе со включением другого (главного) персонажа – «Волшебный вол и его хозяин» [3, 158].

При сравнении словацких и венгерских народных сказок слово *tátoš* послужило для уточнения его межъязыковой семантической корреляции и дифференциации: «В венгерском сборнике сказка *A szegény lányról aki aranyvirágot lépik* [в слв. переводе: *O dievčine, ktorej rastú spod nôh zlaté kvety* [40, 115]; рус. О девушке, из-под ног которой растут золотые цветы – В. Л.] <...> интересна также тем, что женский персонаж имеет сверхъестественную силу, является татошем (в ориг. je *tátošom*)» [37]. Именно в венгерской традиции в татоше может мыслиться и человек и животное (конь, вол). В этой сказке венгерское слово *táltos* в слв. переводе не сохраняется: *Dievčatko bolo čarodejné, narodilo sa s čarodejnou mocou tak, že o tom ani nevedelo* [40, 115] [рус. букв.: Девочка была волшебницей, родилась с волшебной силой, но она об этом не знала]. В ориг.: *A lányka táltos volt, czodahatalommal született anélkül, hogy tudott volna róla* [31, 159]. Аналогичным образом слово *táltos* используется вместе с именем одного из самых известных венгерских шаманов *Göncöl táltos volt* [25, 6] в «Сказке о золотом саду» (в ориг. *Az Aranykert története*).

В слв. переводе сказки «*Az égigérő fa*», связанной с шаманской традицией (слв. «*Nebotyčný strom*», рус. «Дерево до небес»), слово *tátoš* использовано дважды, в остальных случаях употребляется слово *kôň* (рус. конь, лошадь). В оригинале используется (также) слово *ló*: *Volt [Jánosnak] három táltoslova* [31, 61] – слв. *Mal [Janko] troch tátošov* [40, 31], рус.: Были у него [Яноша] три волшебных коня [3, 168]. Противопоставленность словацкого слова *tátoš* венгерским словам с двумя корнями *táltosló* и *táltosparipa* прослеживается в словацком переводе венгерской сказки «*Kalamona, viazač vetrov*» [рус. Каламона,

вязальщик ветров] (в ориг. «A szélkötő Kalamona» [31, 532–554]): – Nie som ja diviak, nechaj ma odpočívaf, ved' ti budem na pomoci, lebo ja som tátoš [40, 276] [рус. – Я не кабан, дай мне отдохнуть, ведь я тебе буду в помощь, потому что я татош]; в ориг.: – Nem vagyok én disznó, hagyj engem pihenni, majd segítségdre leszek, mert én tártosló vagyok [31, 536], позже в тексте используется и слово tártos: A tártos útnak indult [31, 538] – слв. Tátoš sa vydal na cestu [40, 278] [рус. Татош пустился в путь] и под.

Современные фольклорные материалы отражают замену волшебных сказок юмористическим жанром былички или легенды. Слова tártos и (в словацком переводе) tátoš получают наращение семантики в традиционных сказочных ситуациях как обманутое ожидание: Meg is örült Szent Péter a lónak, mert azt hitte, hogy tártos, aki képes repülni egyik bolygóról a másikra [23, 87]. В слв. переводе: Potešil sa svätý Peter koňovi, myslel si, že je to tátoš, ktorý je schopný prelietavať z jednej planéty na druhú [24, 87] [рус. Обрадовался святой Петр коню, думал, что это татош, способный перелетать с одной планеты на другую]. Используется как метафора для яркой оценочной характеристики исторической личности Венгерского Королевства – И. Тёкёли (1678–1685): Thököly maga is durva, törekvő, mindenre elszánt fiatal „tártos volt“ [23, 109]. В слв. переводе: Aj sám Thököly bol hrubý, snaživý, na všetko odhodlaný mladý „tátoš“ [24, с. 109] [рус. Да и сам Тёкёли был грубым, ретивым, на всё готовым молодым «татошем»].

Контекст отсылает и к шаманизму, в оригинале создавая альтернативу союзом ‘или’ (sámánok vagy tártosok), а в переводе объединяя союзом ‘и’ общеизвестное и специфически венгерское слово шаманы или / и татоши. В контексте перечислены идентифицирующие для шамана / талтоша характеристики, однако приложены они к циркачу на ярмарке: No meg egy legény, aki azt állította magáról, hogy burokbán és foggal látta meg a napvilágot, ráadásul tizenkét ujjal született, mint az ősi sámánok vagy tártosok. Ő volt a rettenthetetlen erőművész és kardnyelő is egyben [23, 123]. В слв. переводе: No a jeden mládenec, ktorý tvrdil o sebe, že sa narodil v čerpci, so zubami, s dvanástimi prstami, ako pradávni šamani a tátoši. On bol neohrozeným silákom aj hltáčom meča v jednom [24, 123] [рус. Ну а один парень, который о себе твердил, что родился в рубашке, с зубами, с двенадцатью пальцами, как древние шаманы и

татоши. Он был бесстрашным силачом и глотателем меча в одном].

В современном использовании в словацком культурном контексте слово *tatoš* относится к активному пласту. Фольклорная традиция определяет семантическое развитие слова как аксиологическую метафору быстрого и совершенного средства передвижения – мотоцикла, автомобиля. По утверждению носителей венгерского языка, аналогичную функцию в нем выполняет слово *rapira*.

Обсуждение и заключение

Языковое оформление и концептуализация фольклорно-мифологической специфики может быть реализовано лексикализацией, как в случае слова *tátoš* (субстантив), или как описательное наименование на основе расширения эпитетом или вторым наименованием (венг. *tártos ló*, рус. волшебный конь). Слово *tátoš* в первых изданных словацких фольклорных сборниках получило выразительную текстовую поддержку, уступая по частотности только общеславянскому слову конь, в настоящее время имеет статус общеупотребительного. Факт его заимствования позволяет расширить исследование на близкородственные языки-доноры. О перспективности свидетельствует привлеченный к анализу материал обских угров. Сравнение параллельных исходных и переводных текстов раскрывает национальную специфику слова *tátoš*, которое получило при лексикализации понятия семантику, связанную с конем, особое вторяемое текстовое включение. Опубликованные фольклорные сборники указывают процесс генерализации этой лексемы в языковых моделях и ситуациях, ориентированных на реальную жизнь и языковую коммуникацию. Изученные аспекты современной филологии отражают новый уровень понимания и рассмотрения традиции – как языковой, так и фольклорной – под влиянием древних связей и верований. Одновременно замечается наличие подобных элементов и в фольклоре разных народов, однако систематизированных в других связях и параметрах.

Цель исследования достигнута во всех её составляющих, включая введение в научный оборот словацкого и венгерского материала. Перспектива разработки темы касается других ключевых слов, а также детализации параметров описания.

Список источников и литературы

1. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М.: Академический проект, 2015. Т. 1. 479 с.
2. Баландин А. Н. Язык мансийской сказки. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. 80 с. URL: <https://2lib.org/book/3189043/849d27?id=3189043&secret=849d27> (дата обращения: 27.01.2021).
3. Венгерские народные сказки / [Пер. с венгр.]. Будапешт: Корвина, 1974. 466 с.
4. Ксенофонов Г. В. Шаманизм. Избранные труды (Публикации 1926–1929 гг.). Якутск: Север-Юг, 1992. 290 с.
5. Ларкович Д. В. «Югорский текст» как литературная реальность: к постановке проблемы // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 1. С. 40–52.
6. Лукина Н. В. Предисловие // Мифы, предания, сказки хантов и манси / пер. с хантыйского, мансийского, нем. Н. В. Лукиной. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1990. С. 5–57.
7. Ляшук В. Лінгвістычныя аспекты семантычнай карэляцыі ў беларускіх і славацкіх праявімых фальклорных тэкстах // *Slavica Slovaca*. 2008. Vol. 43. № 2. Pp. 118–138.
8. Ляшук В. Мова народных казак у сучаснай славістыцы: даследаванні праф. Я. Дорулі ў навуковай парадыгме // *Slavica Slovaca*, 2013. Vol. 48. № 2. Pp. 139–152.
9. Мжельская Т. В. Русская волшебная сказка «Сивко-бурко» в контексте археологии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 6. № 2 (62). С. 87–93.
10. Мифы, предания, сказки хантов и манси / пер. с хантыйского, мансийского, нем. Н. В. Лукиной. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1990. 567 с.
11. Мифы, сказки, предания манси (вогулов) / сост. и пер. Е. И. Ромбандеевой. М.; Новосибирск: Наука, 2005. 476 с.
12. Олешко В. Ф., Олешко Е. В. Коммуникативно-культурная память Югры и проблемы её межпоколенческой трансляции в цифровую эпоху: филологический аспект // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 3. С. 507–516.
13. Ортутай Д. Венгерские народные сказки [Пер. с венгр.] // Венгерские народные сказки. Будапешт: Корвина, 1974. С. 7–62.
14. Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. М.: АСТ, Транзиткнига, 2003. 464 с.
15. Сироткина Т. А., Ганущак Н. В. Этнические образы манси и русских в региональной художественной литературе // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 2. С. 279–285.
16. Славянские древности: этнолингвистический словарь: В 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Институт славяноведения РАН, 2004. Т. 3. 697 с.
17. Хантыйские сказки в собрании Вольфганга Штейница. [Пер. с нем]. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. 228 с.
18. Bernolák A. *Slowár Slowenský Češko-Laťínsko-Ňemecko-Uherský*. Budae: Typis et Sumtibus Typogr. Reg. Univers. Hungaricae, 1825. Vol. 4 (R-U). URL: <https://slovník.juls.savba.sk/?w=t%C3%A1to%C5%A1&s=exact&c=i1b2&cs=&d=bermolak#> (дата обращения 02.03.2021).
19. Czambel S. *Slováci a ich reč*. Budapešť: Dvorná kníhtlačiareň V. Hornyánskeho, 1903. 271 s.
20. Czambel S. *Slovenské ľudové rozprávky*. Bratislava: SVKL, 1959. 395 p.
21. Dobšinský P. *Slovenské národné povesti*. Bratislava: Nestor, 1995. Zv. I. 352 p.
22. Doruľa J. *Slováci v dejinách jazykových vzťahov*. Bratislava: Veda, 1977. 134 p.
23. Fellingner K. *Ilka vára: Mátyusföldi és felső-csallóközi mesék, mondák, anekdoták / Fellingner Károly gyűjtéséből és feldolgozásában*. Dunaszerdahely: Vámbéry Polgári Társulás, 2016. 159 p.
24. Fellingner K. *Ilkin hrad: rozprávky, povesti, anekdoty z Matúšovej zeme a Hornožitnoostrovská zo zbierok Károlya Fellingnera v jeho spracovaní*. Dunajská Streda: Občianske združenie Vámbéryho; Budapešť: Petőfi Irodalmi, 2019. 159 p.
25. *Felvidéki magyar tájak meséi: népmesék*. Bratislava: Madách-Posonium, 2011. 230 p.
26. Francisci J. *Poviedky pre slovenské dietky*. Turčiansky Sv. Martin: Kníhtlačiarsky účastinársky spolok, 1871. 80 p.
27. Gašparíková V. *Slovenská rozprávka v ľudovom podaní // Slovenské ľudové rozprávky*. Zv. III. Bratislava: VEDA, 2004. Pp. 590–675.
28. Hayeková M. *O pôvode slov oldomáš a tátoš // Slovenská reč*. 1983. № 5 (48). Pp. 316–317.
29. *Historický slovník slovenského jazyka*. Zv. VI: T–V. Bratislava: VEDA, 2005. 700 p.
30. Hostinský P. Z. *Stará veronauka slovenská. Vek prvý: kniha prvá. Majetok nakladateľského spolku vo Veľkej Revúci*. Pest: [w/p], 1971. № III. 122 p. URL: <http://digitalna.kniznica.info/zoom/120738/view> (дата обращения: 27.01.2021).
31. Illyés, G. *Hetvenhét magyar népmese*. Bratislava: Madách, 1977. 560 p.
32. Jech J. K českému vydání maďarských pohádek // Ortutay G. *Maďarské lidové pohádky*. Praha: ODEON, 1966. Pp. 303–306.
33. Kollár J. *Národné spievanky*. Diel 1. Bratislava: SVKR, 1953. 775 p.
34. Kuzmina E. E. *Mythological Treatment of the Horse in Indo-european Culture // Horses and Humans: The Evolution of Human-Equine Relationship*. Oxford: BAR International Series 1560, 2006. Pp. 263–270.
35. Čašuková V. *Folklórny vektor v kodifikácii bieloruského a slovenského jazyka*. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2009. 308 p.
36. *Magyar etimológiai szótár, elérhető online // Az Arcanum Adatbázis*, 1989. URL: <https://www.arcanum.com/hu/online-kiadvanyok/Lexikonok-magyar-etimologiai-szotar-F14D3/> (дата обращения: 27.01.2021).

37. Major-Balogh Cs. Príspevky k porovnávaciemu výskumu slovenských a maďarských ľudových rozprávok. // Acta Ethnologica Danubiana. 2012. URL: <http://ethnodanubia.eu/2017/06/29/prispevky-k-porovnavaciemu-vyskumu-slovenskych-a-madarskych-ludovych-rozpravok/> (дата обращения: 20.05.2021).
38. Oral Tradition and Book Culture. Helsinki: Finnish Literature Society; SKS, 2018. 176 p. URL: <https://oa.finlit.fi/site/books/e/10.21435/sff.24/> (дата обращения: 27.04.2021).
39. Polívka J. Pohádkové bytosti // Národopisný věstník Československý. Praha: Melantrich, 1932–1933. Ročník XXV–XXVI. Pp. 19–35. URL: <http://www.nulk.cz/ek-obsah/vestnik/html/knihy/vestnik25/texty/vest2526-0014.htm> (дата обращения: 27.01.2021).
40. Prsteň hadieho kráľa: maďarské rozprávky. Bratislava: Mladé letá, 1964. 290 p.
41. Rimavski J. Slovenske povesti: Faksimile z roku 1845. Martin: Matica slovenská, 1975. 178 p.
42. Roth K. Crossing Boundaries: the Translation and Cultural Adaptation of Folk Narratives // Fabula. 1998. Vol. 39. Issue 3-4: 243–255. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/19418327.pdf> (дата обращения: 27.04.2021).
43. Slovenský slovník z literatury a nářečí (slovensko-český diferenciální) / Kálal K., Kálal M. Banská Bystrica: Slovenská Grafia, 1923. 1112+СIII p.
44. Staršia slovenská lexika v medzijazykových vzťahoch / Kopecká M., Laliková T., Ondrejková R., Skladaná J., Valentová I. Bratislava: VEDA, 2011. 202 p.

References

1. Afanasyev A. N. *Poeticheskiye vozzreniya slavyan na prirodu* [Poetic outlook on nature by the Slavs]. Moscow: Akademicheskiiy proekt Publ., 2015. Vol. 1. 479 p. (In Russian)
2. Balandin A. N. *Yazyk mansiyskoy skazki* [The language of a Mansi fairy tale]. Leningrad: Izdatel'stvo Glavsevmorputi Publ., 1939. 80 p. Available at: <https://2lib.org/book/3189043/849d27?id=3189043&secret=849d27> (accessed: January 27, 2021). (In Russian)
3. *Vengerskie narodnye skazki* [Hungarian folk tales]. Budapest: Korvina Publ., 1974. 466 p. (In Russian)
4. Ksenofontov G. V. *Shamanizm. Izbrannyye trudy (Publikatsii 1926–1929 gg.)* [Shamanism. Selected works (Publications of 1926–1929)]. Yakutsk: Sever-Yug Publ., 1992. 290 p. (In Russian)
5. Larkovich D. V. “Jugorskij tekst” kak literaturnaja real'nost': k postanovke problemy [“Yugra text” as the literary reality: to the problem statement]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (1), pp. 40–52. (In Russian)
6. Lukina N. V. *Predislovie* [Introduction]. *Mify, predaniya, skazki khantov i mansi* [Myths, legends, tales of the Khanty and Mansi peoples]. Moscow: Nauka. Gl. red. vost. lit. Publ., 1990. pp. 5–57. (In Russian)
7. Liashuk V. *Lingvisticheskiye aspekty semantichnykh korelyatsiy u belaruskikh i slavatskikh prazhichnykh fal'klornykh tekstakh* [Linguistic aspects of semantic correlation in Belarusian and Slovak prose folklore texts]. *Slavica Slovaca* [Slavica Slovaca], 2008, no. 43 (2), pp. 118–138. (In Belarusian)
8. Liashuk V. *Mova narodnykh kazak u suchasnykh slavistyky: dasledavanni praf. J. Doruli u navukovay paradymy* [The language of folk tales in the modern Slavic studies: research by prof. J. Dorul'a in the scientific paradigm]. *Slavica Slovaca* [Slavica Slovaca], 2013, no. 48 (2), pp. 139–152. (In Belarusian)
9. Mzhelskaya T. V. *Russkaya volshebnyaya skazka «Sivko-burko» v kontekste arkheologii* [The Russian Fairy-tale «Sivko-Bourko» in the context of archaeology]. *Vestnik Kemerovskogo gos. un-ta* [Bulletin of the Kemerovo State University], 2015, vol. 6, no. 2 (62), pp. 87–93. (In Russian)
10. *Mify, predaniya, skazki khantov i mansi* [Myths, legends, tales of the Khanty and Mansi peoples]. Moscow: Nauka. Gl. red. vost. lit. Publ., 1990. 567 p. (In Russian)
11. *Mify, skazki, predaniya mansi (vogulov)* [Myths, tales, legends of the Mansi (the Vogul)]. Comp. by E. I. Rombandeeva. Moscow; Novosibirsk: Nauka Publ., 2005. 476 p. (In Russian, Mansi)
12. Oleshko V. F., Oleshko E. V. *Kommunikativno-kul'turnaya pamyat' Yugry i problemy ee mezhpokolencheskoy translyatsii v tsifrovuyu epokhu: filologicheskij aspekt* [Communicative and cultural memory of Yugra and problems of its intergenerational transmission in the digital age: the philological aspect]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2020, no. 10 (3), pp. 507–516. (In Russian)
13. Ortutay G. *Vengerskie narodnye skazki* [Hungarian folk tales]. *Vengerskie narodnye skazki* [Hungarian folk tales]. Budapest: Korvina Publ., 1974. pp. 7–62. (In Russian)
14. Petrukhin V. Ya. *Mify finno-ugrov* [Myths of the Finno-Ugric peoples]. Moscow: AST, Tranzitkniga Publ., 2003. 464 p. (In Russian)
15. Sirotkina T. A., Ganushchak N. V. *Etnicheskie obrazy mansi i russkikh v regional'noy khudozhestvennoy literature* [Ethnic images of the Mansi and the Russian in regional fiction]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (2), pp. 279–285. (In Russian)
16. *Slavjanskije drevnosti: etnolingvisticheskij slovar': V 5 t.* [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary: in 5 vol.]. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN Publ., 2004. Vol. 3. 697 p. (In Russian)
17. *Khantyyskie skazki v sobranii Wolfganga Steinitza* [Khanty tales collected by the Wolfgang Steinitz]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 2014. 228 p. (In Russian)

18. Bernolák A. *Slowár Slowenski Česko-Latínsko-Ľemecko-Uherski*. Budae Typis et Sumtibus Typogr. Reg. Univers. Hungaricae, 1825. Vol. 4. Available at: <https://slovník.juls.savba.sk/?w=t%C3%A1to%C5%A1&s=exact&c=i1b2&cs=&d=berbolak#> (accessed: March 02, 2021). (In Slovak, Czech, Latin, German, Hungarian)
19. Czambel S. *Slováci a ich reč*. Budapest: Court printing house, 1903. 271 p. (In Slovak)
20. Czambel S. *Slovenské ľudové rozprávky*. Bratislava: SVKL, 1959. 395 p. (In Slovak)
21. Dobšínský P. *Slovenské národné povesti*. Bratislava: Nestor, 1995. Vol. 1. 352 p. (In Slovak)
22. Doruľa J. *Slováci v dejinách jazykových vzťahov*. Bratislava: VEDA, 1977. 134 p. (In Slovak)
23. Fellingner K. *Ilka vára: Mátyusföldi és felső-csallóközi mesék, mondák, anekdoták*. Fellingner Károly gyűjtéséből és feldolgozásában. Dunaszerdahely: Vámbéry Polgári Társulás, 2016. 159 p. (In Hungarian)
24. Fellingner K. *Ilkin hrad: rozprávky, povesti, anekdoty z Matúšovej zeme a Hornožitnoostrovska zo zbierok Károlya Fellingnera v jeho spracovaní*. Dunajská Streda: Občianske združenie Vámbéryho; Budapešť: Petőfi Irodalmi, 2019. 159 p. (In Slovak)
25. *Felvidéki magyar tájak meséi: népmesék*. Bratislava: Madách-Posonium, 2011. 230 p. (In Hungarian)
26. Francisci J. *Povedky pre slovenské diety*. Turčiansky Sv. Martin: Knihtlačiarsky účastinársky spolok, 1871. 80 p. (In Slovak)
27. Gašparíková V. *Slovenská rozprávka v ľudovom podaní*. Slovenské ľudové rozprávky. Bratislava: VEDA, 2004. Vol. 3. pp. 590–675. (In Slovak)
28. Hayeková M. O pôvode slov oldomáš a tátoš. *Slovenská reč*, 1983, no. 48, pp. 316–317. (In Slovak)
29. *Historický slovník slovenského jazyka*. Bratislava: VEDA, 2005. Zv. VI: T–V. 700 p. (In Slovak)
30. Hostinský P. Z. *Stará veronauka slovenská. Vek prvý: kniha prvá. Majetok nakladateľského spolku vo Veľkej Revúci*, 1870, no. III, 122 p. Available at: <http://digitalna.kniznica.info/zoom/120738/view> (accessed: January 27, 2021). (In Slovak)
31. Illyés G. *Hetvenhét magyar népmese*. Bratislava: Madách, 1977. 560 p. (In Hungarian)
32. Jech J. K českému vydání maďarských pohádek. *Ortutay G. Maďarské lidové pohádky*. Praha: ODEON, 1966. pp. 303–306. (In Czech)
33. Kollár J. *Národné spievanky*. Bratislava: SVKR, 1953. Diel 1. 775 p. (In Slovak, Czech)
34. Kuzmina E. E. Mythological treatment of the horse in Indo-European culture. *Horses and Humans: The Evolution of Human-Equine Relationship*. Oxford: BAR International Series 1560, 2006. pp. 263–270. (In English)
35. Lašuková V. *Folklorový vektor v kodifikácii bieloruského a slovenského jazyka*. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2009. 308 p. (In Slovak)
36. *Magyar etimológiai szótár, elérhető online*. Az Arcanum Adatbázis, 1989. Available at: <https://www.arcanum.com/hu/online-kiadvanyok/Lexikonok-magyar-etimologiai-szotar-F14D3/> (accessed: January 27, 2021). (In Hungarian)
37. Major-Balogh Cs. Príspevky k porovnávaciemu výskumu slovenských a maďarských ľudových rozprávok. *Acta Ethnologica Danubiana*, 2012. Available at: <http://ethnodanubia.eu/2017/06/29/prispevky-k-porovnavaciemu-vyskumu-slovenskych-a-madarskych-ludovych-rozpravok/> (accessed: May 20, 2021). (In Slovak)
38. *Oral Tradition and Book Culture*. Helsinki: Finnish Literature Society; SKS, 2018. 176 p. Available at: <https://oa.finlit.fi/site/books/e/10.21435/sff.24/> (accessed: April 27, 2021). (In English)
39. Polívka J. *Pohádkové bytosti*. Národopisný věstník Československý. Praha, 1932–1933. Vol. XXV–XXVI. pp. 19–35. Available at: <http://www.nulk.cz/ek-obsah/vestnik/html/knihy/vestnik25/texty/vest2526-0014.htm> (accessed: January 27, 2021). (In Czech)
40. *Prsteň hadieho kráľa: maďarské rozprávky*. Bratislava: Mladé letá, 1964. 290 p. (In Slovak)
41. Rimavski J. *Slovenské povesti: Faksimile z roku 1845*. Martin: Matica slovenská, 1975. 178 p. (In Slovak)
42. Roth K. Crossing Boundaries: the Translation and Cultural Adaptation of Folk Narratives. *Fabula*, 1998, no. 39 (3–4), pp. 243–255. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/19418327.pdf> (accessed: April 27, 2021). (In English)
43. *Staršia slovenská lexika v medzijazykových vzťahoch*. Bratislava: VEDA, 2011. 202 p. (In Slovak)
44. *Slovenský slovník z literatúry a nárečí (slovensko-český diferenciálny)*. Banská Bystrica: Slovenská Grafia, 1923. 1112+CIII p. (In Slovak)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ляшук Викторія Марленовна, доцент Университета Матей Бела (974 01, Словакия, г. Банска Быстрица, ул. Народна, д. 12), кандидат филологических наук.
viktorija.liashuk@umb.sk
ORCID.ID: 0000-0002-8281-6411

ABOUT THE AUTHOR

Liashuk Viktoria Marlenovna, Associative Professor, Matej Bel University (974 01, Slovak Republic, Banská Bystrica Region, Banská Bystrica, Narodná st., 12), Ph. D. in Philology.
viktorija.liashuk@umb.sk
ORCID.org:0000-0002-8281-6411